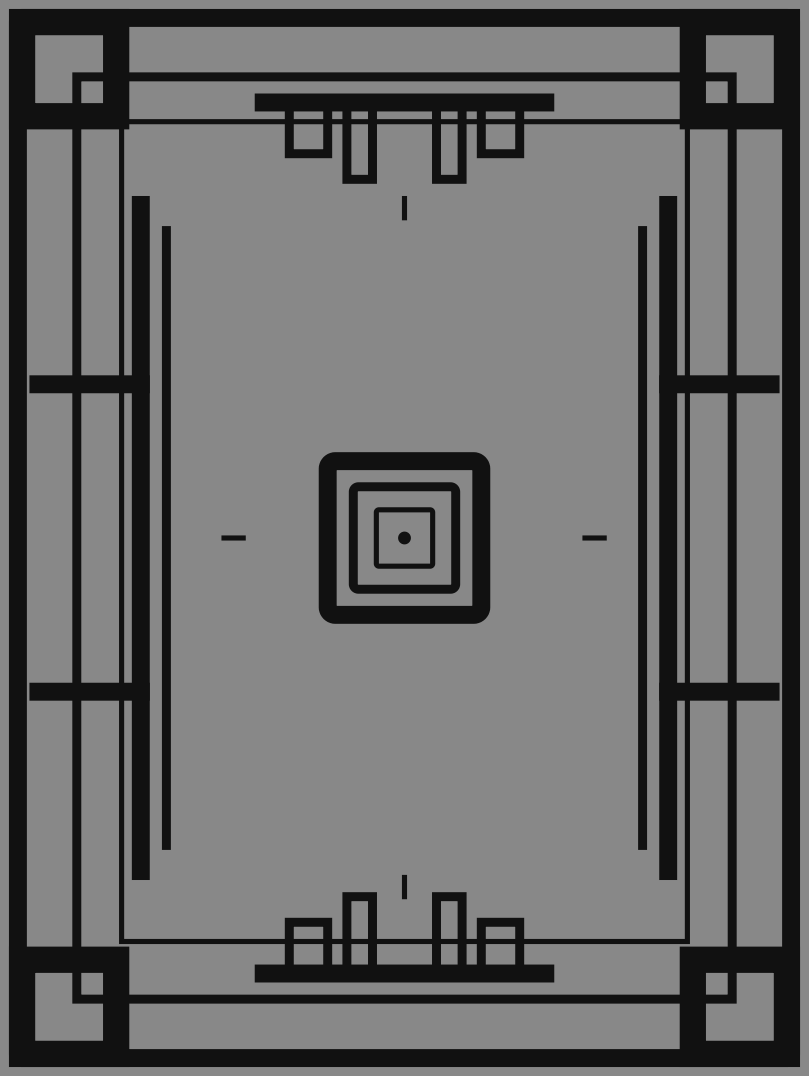

Ползуны
Филип Киндред Дик

Филип Киндред Дик. Ползуны

Филип Киндред Дик
Ползуны

Он строил, и чем больше он строил, тем больше нравилось ему строить. Он трудился, овеваемый ласковым летним ветерком, под горячими лучами солнца, трудился и радовался своему труду. Когда кончились материалы, он сделал небольшую передышку. Его постройка не была большой, не настоящее здание, а так, тренировочная модель. Он знал это — одной частью своего мозга, но другая часть буквально дрожала от гордости и возбуждения. Во всяком случае, размеров этого здания хватало, чтобы в него войти. Он сполз по входному тоннелю и, удовлетворенный, свернулся на полу.

Сквозь прореху в крыше просыпалась щепотка земли; выпустив немного клейкой жидкости, он укрепил слабое место. Воздух в его здании был чистым и прохладным, почти без пыли. Еще один, последний раз он прополз по внутренним стенам, обмазал их быстро сохнущим слоем своего клея. Что еще? Его начинало неудержимо клонить в сон.

Он обдумал это, а затем просунул часть себя сквозь так и оставшийся открытым вход. Эта часть будет смотреть и слушать, будет настороже, а тем временем остальной его организм погрузится в блаженное забытье сна. Мирный и

удовлетворенный, он знал, что издали не видно почти ничего, только небольшой бугорок, пологая кучка темной глины. Никто ее не заметит, никому и в голову не придет, что лежит под этим бугорком.

А если кто и заметит — ничего, он знает, что делать в таком случае.

Оглушительно взвизгнули тормоза, и старенький фордовскии грузовик остановился. Выругавшись сквозь зубы, фермер подал его чуть назад.

— Ну вот, пожалуйста, еще один из этих. Вылезай и посмотри, только не забывай про машины, они тут носятся, как сумасшедшие.

Эрнест Гретри распахнул дверцу кабины и неуверенно вышел на горячее предполуденное шоссе. Пахло солнцем и свежим сеном, мирно жужжали какие-то насекомые. Засунув руки в карманы брюк, наклонив вперед тощее свое тело, он сделал несколько осторожных шагов, а затем нагнулся и посмотрел.

Да, раздавили так уж раздавили; колеса переехали эту штуку в четырех местах, все внутренние органы смяты и разорваны. В целом существо напоминало слизняка — слизистое трубчатое тело с органами чувств на одном конце и уймой

перепутанных протоплазменных отростков на другом.

И все бы ничего, но только вот лицо. Первые секунды Гретри не мог заставить себя взглянуть на него прямо; он поймал себя на том, что рассматривает шоссе, горы, огромные кипарисы — что угодно, лишь бы не это. В маленьких, мертвых глазах было что-то такое странное, какой-то блеск, быстро, правда, исчезавший. Ничего похожего на тусклые глаза, скажем, рыбы — глупые и пустые. Окружающая жизнь приковывала это существо, зачаровывала его, но не успело оно толком и поглядеть на эту жизнь, как приехал грузовик и раздавил его в лепешку.

— Бывает, они и переползают, — негромко сказал фермер. — Пробираются иногда даже в поселок. Первый, которого я увидел, полз по самой середине улицы Гранта, делая, пожалуй, ярдов пятьдесят в час. Медленные они очень. Некоторые, особенно подростки, нарочно их давят. Я-то лично всегда объезжаю, если только замечу вовремя.

Гретри рассеянно потыкал мертвую тварь ногой. И сколько же их там еще, мелькнула смутная мысль, в горах, среди кустов. В поле, поодаль от дороги, виднелись фермерские дома — белые

квадратики, сверкающие под ослепительными лучами тенессийского солнца. Лошади, спящие коровы. Грязные, замызганные курицы с тупым усердием разгребают пыль. Мирная сельская местность, сонно купающаяся в летней жаре.

— А где тут была радиационная лаборатория? — спросил он.

— Вон там, — указал фермер, — за теми холмами. Собирать эти кишки будешь? На бензозаправке Стандард Ойл, у них там есть один, в большом баке. Дохлый, само собой. Чтобы сохранить его, наполнили бак керосином. У того состояние вполне приличное, если с этим сравнивать. Ползал ночью по участку Джо Джексона, вот Джо и разнес ему голову брусом два на четыре. Гретри забрался в кабину; ноги его дрожали, подступала тошнота — пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы желудок успокоился.

— Никак не думал, что их тут столько. В Вашингтоне, когда меня отправляли, говорили, что замечено всего несколько штук.

— Их тут уйма. — Тронув грузовик с места, фермер осторожно объехал прилипшие к гудрону останки. — Мы пытаемся к ним привыкнуть, да где там. Многие отсюда уезжают. Ведь прямо словно давит что-то, тяжесть какая-то в воздухе.

Такие вот у нас дела, и надо как-то с ними справляться. — Он прибавил скорость, обветренные, дочерна загорелые руки крепко сжимали руль.

— И вот ведь еще что, их вроде как рождается все больше и больше, а нормальных детей почти нет.

Вернувшись в поселок, Гретри сразу позвонил в Вашингтон, Фриману; телефонная кабинка стояла в вестибюле обшарпанной гостиницы.

— Нужно что-то делать. Они здесь повсюду. В три часа я еду смотреть целую их колонию. Я познакомился с одним таксером, он знает, где это. Говорит, их там одиннадцать или двенадцать штук, и все они вместе.

— А как себя чувствуют там люди?

— А как бы ты хотел? Считают, что это кара Господня. Может, они и правы.

— Нужно было нам переселить их вовремя. Очистили бы всю эту местность на несколько миль вокруг, и не было бы сейчас никакой проблемы. — Фриман помолчал. — Ну и что же ты предлагаешь?

— Остров, тот, который мы подобрали для испытания водородных бомб.

— Так это же здоровенный остров. Там жила целая куча туземцев, мы их вывезли и устроили

на новом месте. Боже милосердный! — Фриман, похоже, задохнулся от ужаса. — Их что — так много?

— Стойкие и непреклонные граждане нашего отечества склонны малость все преувеличивать, но у меня создалось впечатление, что по крайней мере сотня.

На этот раз Фриман молчал очень долго.

— Я не мог и подумать, — раздалось наконец в телефонной трубке. — Придется, конечно, обсудить все наверху. Мы же собирались продолжать там испытания оружия. Но я тебя хорошо понимаю.

— Постарайся, — сказал Гретри. — Скверная это история, такого нельзя допускать. Люди не могут жить в подобных условиях. Тебе и самому стоило бы съездить сюда и ознакомиться. Такое потом не забудешь.

— Я... я посмотрю, что можно сделать. Поговорю с Гордоном. Позвони мне завтра.

Гретри повесил трубку и вышел из грязного, ободранного вестибюля на слепящий глаза тротуар. Тоскливые, запущенные магазины, машины у обочины — ничем их не лучше. Старики, сгорбившиеся в плетеных креслах с продавленными сиденьями или просто на приступках своих до-

мов. Гретри закурил, с трудом перебарывая дрожь в пальцах, и посмотрел на часы. Почти три. Он медленно побрел к остановке такси.

Город словно вымер. Ничто не шевелилось. Неподвижные, словно окаменевшие в своих креслах старики да с воем пролетающие по шоссе иногородние машины — вот и все признаки жизни. И везде лежит пыль. Каждый дом, словно серой паутиной, окутан вековой дряхлостью. Ниоткуда не слышен смех — или вообще звук, уж все равно какой.

Ни одного играющего ребенка.

Рядом с ним бесшумно остановилась грязная синяя машина.

— О'кей, мистер. — Водитель пинком открыл погнутую дверцу. — Поехали.

Лет тридцать с чем-нибудь, лицо, как крысиная морда, между грязных кривых зубов торчит зубочистка.

— Далеко это? — спросил Гретри, опускаясь на сиденье.

— Да сразу же за городом. — Машина понеслась вперед, кренясь и подпрыгивая на ухабах. — Ты из ФБР?

— Нет.

— А я было решил — по костюму и шляпе. —

Водитель окинул Гретри любопытным взглядом. — А где ты узнал про ползунов?

— В радиационной лаборатории.

Да, она тут и виновата, эта ихняя активная зараза. — Водитель свернул с шоссе на грунтовой проселок. — А это здесь, на Хиггинсовской ферме. Чертовы твари прямо взбесились, придумали строить свои халупы не где-нибудь, а прямо под фермой старушки Хиггинс.

— Халупы?

— Да прямо тебе дома, у них ведь там вроде как город, под землей. Да ты и сам увидишь — вход, во всяком случае. Они работают всегда вместе, компахой — копошатся, суетятся, строят что-то.

Крысомордый свернул с проселка, проехал между двумя огромными кедрами, преодолел кочкастый луг и затормозил в конце концов на краю каменистой лощины.

— Вот, любуйся.

Прежде Гретри не видел ни одного из этих существ живым.

Он вылез из машины, с трудом переставляя непослушные, внезапно онемевшие ноги. Существа медленно курсировали между лесом и аккуратно расчищенным участком земли, в центре которого зияли чернотой входные отверстия

тоннелей. Они таскали на себе глину и стебли земли. Принесенный строительный материал обмазывался какими-то липкими выделениями и формовался в грубые блоки; чуть подсохшие блоки осторожно переправлялись под землю. Длиной ползуны были фута два-три, некоторые — самые, видимо, старшие — грузнее и более темного оттенка, чем прочие. Все они двигались с выматывающей душу медлительностью, молчаливый, бесшумный ручеек, переливающийся по прокаленной солнцем земле. Мягкие, лишенные скорлупы или панциря, ползуны выглядели совершенно безобидными тварями. Но лицо, лицо каждого из них... Гретри стоял потрясенный и загипнотизированный. Сморщенное, младенческое личико, крохотные глазки-бусинки, узкая щелка рта, уродливые скрученные уши и несколько жалких, мокрых клочков волос. Чудовищная, непристойная пародия на лицо человека. Вместо рук — продолговатые псевдоподии; мягкие, словно вылепленные из теста колбаски, они то удлиняются, то укорачиваются. Поражала гибкость этих существ — растянув свое тело и почувствовав осязательными щупальцами какое-либо препятствие, ползуны мгновенно сокращались до прежних размеров. Поглощен-

ные своими делами, они не обращали на Гретри и таксиста никакого внимания, похоже, даже их не замечали.

— А насколько они опасны? — спросил наконец Гретри.

— Ну, есть там у них что-то вроде жала. Я знаю случай, когда они ужалили пса. Пес раздулся, язык у него стал черный. Начал биться в припадках, а потом оцепенел. А потом и совсем сдох. — Так он же, — словно извиняясь, добавил водитель, — всюду лез. Мешал им строить. А они все время работают. Ни секунды простоя.

— Здесь что, большая их часть?

— Думаю, да. Они сюда вроде как собираются. Я часто вижу, как они проползают сюда, вон там. — Водитель показал рукой. — Они, понимаешь, рождаются все в разных местах. По одному — по два на каждую ферму. Из тех, что поближе к радиационной лаборатории. А где здесь дом миссис Хиггинс? — спросил Гретри.

— А вон там. Видишь, между деревьев проглядывает. Ты что, хочешь...

— Я сейчас вернусь, — уже через плечо бросил Гретри. — Подожди меня здесь.

Старая, очень старая женщина поливала вокруг своего крыльца темно-красные герани; заслышав

шаги, она быстро подняла голову.

— Добрый день, — вежливо тронул шляпу Гретри. Сморщенное старостью лицо, глаза острые и недоверчивые. Зажатая в руке лейка приводит почемуто на ум тот самый «тупой предмет» полицейских протоколов. Гретри показал ей свои документы.

— Я занимаюсь исследованием... ползунов. На краю вашего участка.

— Зачем?

Голос холодный, бесцветный. Такой сморщенное лицо, как это иссохшее тело.

— Мы пытаемся найти какое-нибудь решение. — Гретри чувствовал себя до крайности неловко. — Есть предложение вывезти их отсюда на один остров, в Мексиканский залив. Им нельзя находиться здесь. Это очень плохо для людей. Так нельзя, — неуверенно повторил он и смолк.

— Нет, так нельзя.

— И мы уже начали переселять всех подальше от радиационной лаборатории. Конечно, этим нужно было давным-давно заняться. — Глаза миссис Хиггинс сверкнули неожиданной для ее возраста яростью.

— Это все вы и ваши машины! Видите, что вы наделали. — Костлявый палец больно ткнул

Гретри в грудь. — Теперь вы должны как-то это поправить. Вы обязаны что-то сделать.

— Мы увезем их на этот остров, увезем как можно скорее. Но тут возникает одна проблема. Мы должны быть уверены, что скажут на это родители. Ведь у них — полное право попечительства. Мы не можем просто так вот взять и... — Он беспомощно смолк. — Что они про это думают? Они разрешат нам погрузить своих... своих детей и куда-то там увезти?

Миссис Хиггинс повернулась и направилась в дом. Гретри неуверенно следовал за ней через пыльные, погруженные в полумрак помещения. Затхлые комнаты, набитые масляными лампами и почерневшими картинами, ветхими диванами и столами. Через обширную кухню с расставленными повсюду огромными чугунными котлами и сковородками женщина провела его по деревянной лесенке вниз, к белой крашеной двери. И отрывисто постучала.

Суматоха и смятение по ту сторону двери. Перешептывание, звуки торопливо передвигаемых вещей.

— Откройте, — приказала миссис Хиггинс. После долгой, мучительной паузы дверь начала медленно открываться; распахнув ее настежь,

миссис Хиггинс вошла внутрь, кивком пригласив за собой Гретри.

В комнате стояли двое молодых людей, мужчина и женщина. При виде Гретри они попятились. Женщина прижимала к груди длинную картонную коробку, которую мгновение назад, уже на глазах Гретри, сунул ей мужчина.

— Кто вы такой? — резко спросил мужчина. Он снова схватил коробку — маленькие руки его жены дрожали от непрерывно перемещающегося груза.

Перед Гретри стояли родители одного из них. Совсем молодая, не старше девятнадцати лет женщина с темно-каштановыми волосами. Стройная, миниатюрная, полногрудая девочка в дешевеньком зеленом платье, темные затравленные глаза. Мужчина — крупнее и сильнее, темноволосый симпатичный парень с тяжелыми руками, ловкие, умелые пальцы крепко сжимают картонную коробку.

Гретри не мог отвести глаз от этой коробки. Сверху прорезаны дырки, коробка слегка двигается в руках мужчины, чуть заметно дрожит.

— Этот человек, — сказала миссис Хиггинс, обращаясь к мужчине, — хочет его забрать.

Никто ничего ей не ответил. Мужчина даже

не пошевелился — только перехватил коробку чуть удобнее.

— Он отвезет их всех на остров, — сказала миссис Хиггинс. — Все уже устроено. Никто им ничего не сделает. Они будут в полной безопасности и смогут заниматься всем, чем угодно. Строить и ползать, и никто их не будет видеть.

Молодая женщина безучастно кивнула.

— Отдай его этому человеку, — нетерпеливо приказала миссис Хиггинс. — Отдай ему коробку, и покончим с этим раз и навсегда. Мгновение помедлив, мужчина шагнул вперед и поставил коробку на стол.

— Вы в них что-нибудь понимаете? — спросил он. — Вы знаете, что они едят?

— Мы... — беспомощно начал Гретри.

— Они едят листья. Листья и траву, больше ничего. Мы приносили ему самые маленькие листья, какие могли найти.

— Ему еще только один месяц, — сиплым, срывающимся голосом сказала девушка. — Он уже хочет к остальным, но мы его не пускаем. Мы не хотим, чтобы он туда ходил. Во всяком случае — пока. Потом, когда-нибудь, может быть, и отпустим, мы так решили. Мы не знали, как лучше. Мы не были уверены. — В ее огромных глазах

вспыхнула немая мольба, но затем они снова потускнели. — Тяжело это все.

Мужчина развязал толстый коричневый шпагат и снял с коробки крышку.

— Вот. Можете посмотреть.

— Таких маленьких Гретри еще не видал. Бледный, мягкий, не более фута в длину. Забившись в угол коробки, ползун свернулся среди беспорядочной паутины жеваных листьев и чего-то, напоминавшего воск. Неумело соткал вокруг себя эту прозрачную оболочку и уснул за ней. Неспособный понять, что такое — люди, он их просто не замечал. Гретри охватил странный, безотчетный ужас, чувство полной своей беспомощности. Он отошел от стола, и отец ползуна закрыл коробку. Мы поняли, что это такое, — хрипло сказал молодой парень. — Сразу, как только он родился. Мы уже видели такого тут поблизости, одного из самых первых. Боб Дуглас позвал нас посмотреть. Тот был его собственный, его и Джулии. Это еще до того, как они начали собираться в овраге.

— Расскажи ему, что потом было, — приказала миссис Хиггинс.

— Дуглас расшиб ему голову булыжником. А затем облил бензином и сжег. На той неделе они с Джулией собрались и уехали.

— А много их было уничтожено? — с трудом выдавил из себя Гретри.

— Порядком. Многие мужики, они ведь как — увидят такую вот штуку, так у них вроде как крыша едет. Трудно их винить. — Парень бросил на картонную коробку безнадежный взгляд. — Правду говоря, я чуть и сам такое не сделал.

— Может, и надо было, — негромко, словно себе самой, сказала его жена. — Может, не надо было мне тебя удерживать.

Гретри взял коробку и направился к двери.

— Мы постараемся побыстрее. Грузовики уже отправлены, будут здесь завтра или чуть позже.

— Ну и слава богу! — быстро, невыразительно проговорила миссис Хиггинс. Она открыла дверь, придержала ее, и Гретри пронес коробку сквозь темный, затхлый дом, а затем по просевшим ступенькам крыльца — под слепящие лучи только еще начинающего клониться к закату солнца. Миссис Хиггинс остановилась около красных гераней и снова взялась за лейку.

— Будете забирать их, так забирайте всех. Не оставляйте ни одного. Вы поняли?

— Да, — беспомощно пробормотал Гретри.

— Оставьте здесь ваших людей с грузовиками, проверяйте и проверяйте. Чтобы не осталось

ни одного, чтобы нам не приходилось на них смотреть.

— Когда мы переселим всех, кто живет по соседству с радиационной лабораторией, больше не будет никаких...

Он не закончил фразу. Миссис Хиггинс повернулась к нему спиной и начала поливать герани. Вокруг нее жужжали пчелы. Монотонно, как перевернутые часовые маятники, раскачивались под горячим ветром цветы. Все так же согнувшись и разбрызгивая воду из лейки, старая женщина дошла до угла дома. Еще одно мгновение, и она исчезла из виду. Гретри остался один с коробкой в руках.

Смущенный, полный стыда, он спустился с холма, медленно пересек поле. Таксист стоял рядом с женщиной, курил и терпеливо ждал. Ползуны все так же неустанно строили свой город. Уже намечались улицы, переулки. На некоторых из входных холмиков Гретри заметил какие-то царапины, которые вполне могли быть надписями. В одном месте ползуны собрались группой, они занимались чем-то сложным, чем именно — Гретри не разобрал.

— Поехали, — устало сказал он.

Водитель ухмыльнулся и распахнул заднюю

Дверцу. — Я же не выключил счетчик. — Крысиное лицо светилось хитростью и самодовольством. — Такие ребята, как ты, могут что угодно записать в текущие расходы, кто там проверит, — так что какая тебе разница.

Он строил город, и чем больше он строил, тем больше нравилось ему строить. Город достиг уже восьмидесяти миль в глубину и пяти миль по диаметру. Весь остров превратился в один огромный город; с каждым днем город этот продвигал, змеясь и переплетаясь, свои соты все дальше и дальше. Когда-нибудь город дотянется до земли, которая за океаном, тогда-то и пойдет настоящая работа.

Справа от него тысяча дружно, методично двигающихся товарищей молчаливо трудилась над возведением опоры, которая должна укрепить главный питомник. Когда опора будет построена, все почувствуют облегчение — матери как раз начинают приносить приплод.

Но была причина и для тревоги. Эта история даже мешапа ему полностью наслаждаться работой. Он видел одного из первенцев — прежде чем того спрятали, а все дело замяли. Мимолетно заметил вздутую, шарообразную голову, кургузое туловище, невероятно жесткие щупальца. Суще-

ство выло, вопило, его лицо сделалось красным. Оно бессмысленно перекатывалось и дергало ногами.

В полном ужасе кто-то наконец нашел камень и расшиб уроду голову. В надежде, что больше таких не будет.